

ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
TAIROVA-YAKOVLEVA TATIANA

Доктор исторических наук, профессор кафедры Истории славянских и балканских стран
Исторического факультета СПбГУ.

tairovayak@mail.ru

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ КАК УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИСТ ИЛИ ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕРМИНОЛОГИИ

Терминология в истории часто становится полем для научной полемики. Но если к этим спорам примешиваются политизированные мотивы, полемика переходит на другой уровень, в котором инициативу захватывают политологи, журналисты и любители.

Столь же опасны поверхностные оценки взглядов историков, их концепций и схем, когда их вырывают из конкретно-исторической ситуации и внешнего влияния. Нельзя забывать, что историки и их концепции часто являлись заложниками цензуры, политизированных доктрин правительства, диктата и обстоятельств. Такому всестороннему, взвешенному и историческому подходу учит историография. Но когда оценки взглядов предшественников и их терминологии делаются людьми далекими от исторической науки, то тогда, чаще всего, появляется путаница, ложные представления и смешение понятий.

Все вышесказанное во многом относится и к Николаю Ивановичу Костомарову, выдающемуся историку Украины, прожившему очень непростую, полную трагизма жизнь. Если в советской историографии его обвиняли в украинском национализме, то в современной России Костомаров неожиданно стал любимцем современных «ура-патриотов», высказывающихся против факта существования украинского народа, украинского языка и украинской государственности. Любопытно, что заявления звучащие ныне со страниц газетных изданий, в интернет-блоках и даже толстых книг, претендующих на научность – почти полностью повторяют тональность имперских органов второй половины XIX века. А еще – являются зеркальным отражением заявлений

польской националистической литературы только с противоположным знаком (т.е. что украинцы – не часть русского, а часть польского народа). При этом достижения исторической и филологической наук последних 150 лет совершенно игнорируются.

Как один из аргументов зачастую приводятся знаменитые работы Н.Костомарова, прежде всего его фундаментальная монография «Богдан Хмельницкий», в которой украинское казачество и население Украины названо «русскими». Для непрофессионального читателя такая терминология, использовавшаяся Костомаровым, служит безусловным доказательством, что ученый считал украинцев и великороссиян одним народом. Эту мысль подхватывают авторы громких заявлений, что термин «украинцы» вообще был придуман в Галиции на рубеже XX века, а до этого такого народа и названия якобы не существовало.

В монографии Н.И.Костомарова «Богдан Хмельницкий»¹ действительно для населения Украины (именно Украина, а не Малая Россия) используется термин «русский народ». Но при этом, если посмотреть внимательно, Костомаров напротив нигде не употребляет термин «русские» по отношению к населению Московского государства, т.е. великороссов. Не использует он и термин «Россия» - только Московское государство, а отсюда - московский гонец, московский капитан, москвитяне², московское войско³, московская власть⁴. Это уже коренным образом меняет дело. К тому же, по недосмотру цензуры, в монографии попадают термины «летописцы украинские»⁵, «истребление украинских местечек»⁶, «украинский историк»⁷ и т.д.

Эти маленькие детали, непонятные непрофессионалу, могут быть легко ими истолкованы превратно. А вот если мы обратимся ко всей истории научного творчества Костомарова, его биографии и внешним факторам, под диктатом которых создавались те или иные его произведения, то перед нами вообще откроются совершенно иные аспекты.

Прежде всего, хотелось бы оговориться, что собственно мы не открываем Америк, большинство наших выводов уже звучали на страницах исследований исторического

наследия Н.Костомарова. Но напомнить забытое и расставить соответственные акценты, мы считаем полезным и необходимым.

Начнем с того, что Н.Костомаров (в то время – молодой адъюнкт киевского университета им. Св. Владимира) был одним из наиболее активных деятелей тайного Кирилло-Мефодиевского общества, действовавшего в Киеве.

В этот «до арестный» период Костомаров издает под псевдонимом Иеремия Галка «Украинские баллады» - литературные произведения, в которых воспевались гайдамаки и казачество. Впоследствии, эту книгу было приказано «запретить и изъять из продажи».

В III отделении не имели иллюзий в отношении целей Кирилло-Мефодиевского товарищества. Шеф жандармов граф А.Ф.Орлов писал начальнику 5-го округа корпуса жандармов А.А.Шмели: «в Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди более заботятся о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольности, казачества и гетманщины»⁸.

Именно Костомаров стал автором основного программного документа «братчиков», т.н. «Закона Божия», имевшего и другое подназвание: «Книга бытия украинского народа»⁹. Документ этот был составлен на русском и на украинском языках¹⁰.

Буду человеком глубоко верующим, Костомаров (в противоположность расхожему мнению) имел ярко выраженные социальные взгляды, сблизившими его с Т.Шевченко. Например, он писал в «Законе Божьем»: «Московщина состояла из великороссиян и была у них великая Речь Посполитая Новгородская, вольная и равная, хотя и не без господ; и погиб Новгород за то, что и там завелись господа, и возвысился над всеми великороссиянами царь московский, а возвысился он, кланяясь татарам, и ноги целовал хану татарскому – бусурману, чтоб помогал ему держать в неключимой неволе христианский народ великороссийский. И обезумел народ великороссийский и впал в

идолопоклонство, ибо царя своего назвал земным богом, и все, что царь скажет, считал хорошим»¹¹.

В противоположность «Московщине» по мнению Костомарова «не любила Украина ни царя, ни пана, а составила у себя казацтво, т.е. братство, куда каждый, вступая, был братом других»¹². Именно свободолюбие и социальное равенство казачества (в явно идеализированном виде) Костомаров считал главным положительным фактором в истории Украины – наряду с набожностью и верностью православию: «А когда папы и иезуиты хотели насильно подчинить Украину своей власти, чтоб украинцы-христиане поверили, будто в самом деле все так и справедливо, что скажет папа, тогда в Украине появились братства, такие, какие были у первых христиан»¹³. Именно вольнолюбие казачества и приверженность к истинной вере представлялись в «Законе Божьем» причиной противоречий, возникших после присоединения Украины с Россией: «Тогда Украина пристала к Московщине и соединилась с нею как один народ славянский с другим народом славянским... Но скоро увидела Украина, что она попала в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель»¹⁴. Еще более яростно Костомаров высказывался против дворян Украины: «а хотя из украинской крови эти выродки, однако они не сквернят своими подлыми устами украинского языка и сами себя не называют украинцами»¹⁵.

Мы видим, что во всем тексте «Закона Божьего» Костомаров использовал термины «украинский язык», «украинцы» и т.д., противопоставляя их русскому языку и великороссам. Еще более четко эти идеи были высказаны Костомаровым в другом документе, написанном им в рамках Кирилло-Мефодиевского братства. В своем обращении к «братьям-украинцам» Николай Иванович писал: «Мы принимаем, что все славяне должны между собою соединиться. Но так, чтобы каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся не слитно с другими; так, чтобы каждый народ

имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем: великороссиян, украинцев, поляков, чехов, лужичан, хорутан, иллиро-сербов и болгар»¹⁶.

На допросах в III отделении Костомаров, выгораживая себя и товарищей, объяснял, что «украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский»¹⁷. Но российские чиновники писали в своих докладах, что украинофильство - «неумеренная любовь к Украине». Весьма показательны, что циркуляры III отделения, выпущенные с учетом проведенного следствия над братчиками, не прикрывались никакими высокими мотивами или научными концепциями. В них четко объяснялось почему вопрос украинского языка был столь важен: «...было бы однако же не лишним предупредить через министра народного просвещения всех занимающихся славянством, древностью и народностью, также профессоров, учителей и цензоров, чтобы они в книгах своих и на лекциях непременно избегали тех напоминаний насчет Малороссии, Польши и других подвластных России земель, кои могут быть применяемы в смысле, опасном для целости и спокойствия империи, и чтобы, напротив того, сколь возможно старались все выводы науки и истории наклонять к верному подданству этих племен России»¹⁸. И далее прямо заявлялось: «не может быть отдельных историй Литвы, Польши, Малороссии и прочее, но может быть только история России»¹⁹. Это была четкая политика государства, Российской империи, Диктовавшиеся III отделением правила для профессоров и ученых не имели ничего общего с наукой.

Цензор, пропустивший «Украинские баллады», получил строгий выговор²⁰. В заключении по делу Кирилло-Мефодиевского братства говорилось: «в напечатанных сочинениях Кулиша и частию Костомарова описывались распоряжения императора Петра I и его преемников в виде угнетений и подавления прав народных, напротив того, дух прежнего казачества они изображали с восторженными похвалами, наезды гайдамаков

представляли в виде подвигов рыцарства, славу времен гетманщины называли всемирною, приводили песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах²¹». И далее: «Костомаров, сын малороссиянки и воспитанный в Украине, пристрастился сначала к малороссийскому языку, потом к истории Украины. Начитавшись о древней вольнице этой страны и о новых революциях в европейских государствах, он, естественно, перешел к либерализму и неодобрению монархического правления»²² (как видим, сами чиновники признавали, что Украина была отдельной «страной», но писать об этом запрещали).

За свои идеи Костомаров был приговорен к году одиночного пребывания в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем - к восьми лет ссылки в Саратов.

Его, как и многих других либералов, осужденных в николаевскую эпоху, освободил новый император Александр II. Первые годы возвращения из ссылки ознаменовались для Костомарова триумфальными лекциями в Санкт-Петербургском университете, изданием украинского журнала «Основа», надеждами и иллюзиями. Сам Костомаров называл это время «весной».

Но первая российская «оттепель» была весьма условной. Для публикаций исторических трудов Костомарова все так же требовалось разрешение цензуры и лично императора. Не могу не согласиться с биографом Николая Ивановича, Ю.А.Пинчуком, что многие заявления Костомарова, например характеристика Мазепы как политического авантюриста, «были до определенной степени жертвой историка власти»²³. Ведь еще в «доцензурном» 1860 г. Костомаров писал, описывая последние минуты И.Мазепы: «Сжигая свои бумаги, он говорил: «пусть я один буду несчастлив, а не те, о которых враги мои не знали и не подозревали; я хотел устроить счастье моему отечеству, но судьба судила иначе на неведомый конец»... Как много и правды и поэзии в этих незабвенных словах последнего из деятелей южнорусской истории XVII века, этой кровавой гетманщины,

этого периода стремления к образованию на юго-западе России независимого государства... Что касается до личности самого Мазепы, то она еще ожидает беспристрастной истории, которая бы изобразила его, не подчиняясь отнюдь влиянию взгляда, извинительного в первой половине XVIII века, но неуместного теперь, когда споры порешены, все улеглось, все прошло, былью поросло, и настала пора вести давно забытые события в колею действительности»²⁴. Эта статья Николая Ивановича вышла в «Современнике» в 1860 г. и не потеряла своей актуальности и по прошествии 150 лет. Но как она диссонирует с прошедшей строжайшую цензуру монографией Костомарова «Мазепа»!

Для того чтобы иметь возможность печататься в жестких рамках цензуры и при этом хоть как-то выражать свои истинные идеи, историк вырабатывает компромиссную концепцию русской (южнорусской) народности. Прикрываясь этим термином (использованным им и в «Богдане Хмельницком»), Костомаров подчеркивал, что он имеет в виду отдельный народ.

Именно развитию этой концепции была посвящена статья Николая Ивановича «Две русские народности», опубликованная им в «Основе». В частности он писал: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть их откроется и более, и тем не менее они — русские»²⁵. Далее Костомаров развивал эту идею: «Внешние отличия найти не трудно. Стоит поставить изображения Великороссиянина и Южнорусса рядом в их костюме, с их поступью, с их наружным видом; потом описать образ домашней жизни того и другого, их домашние обычаи, обряды, приемы хозяйства, наконец изложить сущность их наречия... Начало этого отличия теряется в глубокой древности, как и вообще распадение славянского племени на отдельные народы»²⁶. Обращаясь к истории происхождения термина «Русь» и «русский» Костомаров отмечал, что «в XII веке, в земле Ростовско-Суздальской, под Русью разумели вообще югозапад нынешней России в собирательном смысле... В XV веке различались на материке

нынешней России четыре отдела восточно-славянского мира: Новгород, Московия, Литва и Русь»²⁷. «Когда из разных земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русским, и народ, его составлявший, усвоил знакомое прежде ему название и от признаков общих перенес его на более местные и частные признаки. Имя Русского сделалось и для севера и для востока тем же, чем с давних лет оставалось как исключительное достояние юго-западного народа. Тогда последний остался как бы без названия... название Русского необходимо должно быть замениться таким, которое бы означало признаки различия от Восточной Руси, а не сходства с нею... В XVII веке являлись названия: *Украина, Малороссия, Гетманщина*, — названия эти невольно сделались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только местные и временные явления его истории»²⁸. Поэтому Костомаров предлагал использовать термин «южнорусский», признавая при этом его «книжным» и «выдуманным».

В 1860 г. Костомаров, как и его друзья, были еще полны надежд, вызванных реформами Александра II («весна, хотя и непостоянная, с частыми рецидивами морозов»). Именно тогда он высказывал свои взгляды на развитие украинского языка: «Мы желали бы сверх того, чтоб правительство не только не препятствовало нам, украинцам, развивать свой язык, но оказало бы этому делу содействие и сделало теперь же распоряжение, чтобы в школах, которые, - как оно уже само объявило, - будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не официально-великороссийском...»²⁹.

Надеждам не суждено было сбыться. В 1861 г. в связи с выступлением студентов был закрыт Санкт-Петербургский университет. Петропавловская и Кронштадская крепости были переполнены. Николай Иванович тоже был арестован и доставлен к генерал-губернатору³⁰. Более никогда он не имел возможности преподавать. Чиновники не позволили ему поступить ни в киевский, ни в харьковский университеты.

Постоянный поиск компромисса, с одной стороны – стремление развивать украинскую культуру, историю и литературу – а с другой стороны – опасение, что какое-нибудь неосторожное слово положит конец любимым публикациям, заставляло Костомарова (как и других его коллег) выражаться эзоповым языком, маскировать собственные мысли и приравнивать их к реалиям политической жизни. Особенно после когда в 1863 г. под влиянием польского восстания украинские деятели попали под особый контроль, он написал работу «Украинский сепаратизм», в котором уверял, что украинцев нет стремления отделиться от России, а они хотят только преподавания в школах на родном языке. Однако в этой статье было следующее заявление: «юг российской империи населен (так же, как и значительная часть австрийской империи) особым славянским племенем, говорящим своеобразным наречием, сохраняющим своеобразные формы жизни, понятия, верования, стремления и исторические воспоминания»³¹. Этого было достаточно, чтобы рецензент А.В.Никитенко увидел в этой фразе антиправительственные мысли. В своем рапорте он написал: «Не думаю, чтобы, особенно в настоящее время, полезно было распространить подобные мысли»³². И далее шел замечательный пассаж, показывающий всю глубину понимания российскими чиновниками «украинского вопроса»: «нужно ли и полезно ли, чтобы в малороссийских школах преподавалось ученье на туземном (!!! – Т.Т.) наречии, а не на общем русском языке?»³³ Статья Костомарова «Украинский сепаратизм» так и не увидела свет в Российской империи.

Напомним, что в том же 1863 г. был издан циркуляр управляющего министерства внутренних дел России П.А.Валуева, запретивший издания украинской религиозной, учебной и научной литературы. «Никакого отдельного малороссийского языка не было, нет и быть не может» объявлялось в циркуляре.

Для того чтобы продолжать свои научные изыскания, иметь возможность осуществлять популяризацию родной истории, Костомарову не раз приходилось кривить душой и делать подобные заявления: «Что касается народа Малорусского, то, при всей

нелюбви к москалю и кацапу, народ своим историческим смыслом остается и всегда останется всегда верным однажды данному им изволению: для него, хотя бы и несознательно, также как и для великоросса, дорого единство земли Русской; для него царь православный имеет то же значение, что для рязанца или владимирца»³⁴. Оно особенно контрастировало со следующим заявлением, сделанным Костомаровым в ответе И.С.Аксакову (правда опубликованном уже после смерти Николая Ивановича): «Коль скоро существует народ с собственной физиономией, со своеобразными приемами, с собственным наречием, то не противно жизни и его своеобразное развитие... едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозреваете, что на дне ее у каждого почти думающего не глупого южнорусса спит Выговский, Дорошенко, Мазепа – проснется, когда наступит случай»³⁵.

Между тем внутренняя ситуация и цензура становилась все более жесткими. Емский указ 1876 г. запрещал ставить и писать пьесы, тексты песен и публичные чтения на украинском языке, преподавать язык в начальной школе, предписывал изымать украинские книги из библиотек. Поэтому завершить этот краткий очерк взглядов Н.И.Костомарова на украинский народ и язык, равно как и использовавшихся им терминов, хочется цитатами из его бесцензурной работы, напечатанной в «Колоколе» в Женеве в 1860 г. Это так называемое письмо к издателю «Колокола», т.е. А.И.Герцену. Николай Иванович писал: «Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать нас отдельным народом, не признавать в нас отдельных элементов для самобытной жизни выработанных прошедшим, сомневаться в существовании у нас своенародного языка и в возможности его литературного развития и вообще ставить наши особенности в ряд провинциальных оттенков – то русской, то польской национальностей»³⁶. Костомаров прямо писал, что этот якобы научный спор, на самом деле был просто спором из-за земель и их принадлежности. «А ларчик открывается просто: спорные земли не принадлежат ни тем, ни другим – они принадлежат тому народу, который издревле их

населял, населяет и обрабатывает»³⁷. И заявлял: «Пусть же ни великорусы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом»³⁸.

Ключевые слова: история, историография, история Украины, Н.И.Костомаров, терминология, украинское казачество, украинский народ, русский народ, украинский язык.

В статье «Николай Костомаров как украинский националист или возвращаясь к терминологии» раскрывается этимологией тех терминов, которые использовались в исторических работах Н.И.Костомарова, посвященных истории Украины. В частности рассматривается термин «русский» и «южнорусский» народ. Показывается, что такая терминология была вызвана жестким давлением цензуры и политики имперских властей, в частности – III отделения. В бесцензурных же произведениях им использовались термины «украинский» народ и язык. Вместе с тем, даже компромиссный термин «южнорусский» использовался Костомаровым с целью подчеркнуть различия украинского и русского народов.

In the article “Nikolaj Kostomarov as the Ukrainian Nationalist or Back to the Terminology” there is the study of the terms, which were used in the historical works of N.Kostomarov about the history of the Ukraine. Particularly is studied the term “Russian” and “South-Russian”. It is shown that the terminology was formed under the pressure of the censorship and policy of the Russian Empire, including of the III District. At the free of censorship articles Kostomarov used terms Ukrainians and Ukrainian language. But even the compromised term “South-Russian” was used by Kostomarov to show the difference between Ukrainians and Russians.

¹ Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. Изд. 4. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1884.

² Там же. Т. III. С. 186, 414.

³ Там же. Т. III. С. 154.

⁴ Там же. Т. III. С. 155.

⁵ Там же. Т. II. С. 316.

⁶ Там же. Т. III. С. 186.

⁷ Там же. Т. III. С. 250.

⁸ Кирило-Мефодіївське товариство. Джерела з історії суспільно-політичного руху на Україні XIX – початку XX ст. Т. I. Київ: Наукова думка, 1990. № 79. С. 80.

⁹ Костомаров М. «Закон Божий» (книга буття українського народу). Київ: Либидь, 1991.

¹⁰ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. I. № 332. С. 250-258.

¹¹ Костомаров М. «Закон Божий». С. 23.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. I. № 146. С. 170.

¹⁷ Там же. Т. I. № 357. С. 298.

¹⁸ Там же. Т. III. № 403. С. 293.

¹⁹ Там же. Т. III. № 442. С. 321.

²⁰ Там же. Т. III. № 433. С. 315.

²¹ Там же. Т. III. № 445. С. 322.

²² Там же. Т. III. № 447. С. 345.

²³ Пінчук Ю.А. Микола Іванович Костомаров. К., 1992. С. 191.

²⁴ Костомаров Н.И. О козачестве. Ответ «Виленскому Вестнику». // «Казачи». Актуальная история России. М.:Чарли, 1995. С. 37-38.

²⁵ Костомаров Н. Две русские народности // Основа. СПб., 1861. № 3. С. 33.

²⁶ Там же. С. 33-34, 36.

²⁷ Там же. С. 38-39.

²⁸ Там же. С. 39-41.

²⁹ Костомаров Н.И. Письмо издателю «Колокола» // «Казачи». Актуальная история России. М.:Чарли, 1995. С. 411.

³⁰ Пінчук Ю.А. Микола Іванович Костомаров. К., 1992. С. 191.

³¹ Костомаров Н.И. Украинский сепаратизм. // «Казачи». Актуальная история России. М.:Чарли, 1995. С. 395.

³² Оксман Ю.Г. Предисловие к статье «Украинский сепаратизм» (Неизвестные страницы Н.И.Костомарова). // «Казачи». Актуальная история России. М.:Чарли, 1995. С. 594.

³³ Там же. С. 595.

³⁴ Ответ Н.И.Костомарова И.С.Аксакову. // Киевская Старина. 1897, № 11 С. 51.

³⁵ Там же. С. 52-53.

³⁶ Костомаров Н.И. Письмо к издателю «Колокола». // «Казачи». Актуальная история России. М.:Чарли, 1995. С. 401.

³⁷ Там же. С. 402.

³⁸ Там же. С. 411.